

ЖИВОЙ ОПЫТЪ КОММУНИЗМА.

(къ десятилѣтію русской революціи).

Прошло десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ коммунисты начали свой хозяйственный опытъ въ Россіи. И теперь мы можемъ подвести трезвые и безошадные итоги ихъ затѣѣ. Впервые въ исторіи человѣчества былъ осуществленъ такой опытъ— съ такимъ зарядомъ рѣшимости, въ такомъ размѣрѣ, съ такимъ использованіемъ всѣхъ средствъ, съ участіемъ знающихъ и опытныхъ специалистовъ.

Что далъ этотъ опытъ? Чему должны были научиться въ немъ всѣ русскіе люди? Какіе уроки несетъ онъ всему человечеству?

«Старый міръ» въ Россіи разрушенъ. Но не восторжествовали ли въ этомъ разрушеніи, не реабилитированы ли его экономическія основы: частная собственность и свобода хозяйствованія? Удалось ли и можетъ ли удасться созданіе «новаго міра» на противоположныхъ основахъ? Постигъ ли русскій народъ, пользуясь этимъ дорогимъ, но вѣрнымъ способомъ «нагляднаго обученія», что есть такія основы хозяйства и права, которыя безнаказанно нарушать нельзя? Явится ли это просвѣтленное опытомъ народное сознаніе источникомъ будущаго хозяйственнаго возрожденія Россіи? —

Говоря о томъ, что пытались создать и чего не создали большевики за эти годы въ Россіи, необходимо всегда тщательно различать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, что создано ими, и что создано или восстановлено помимо нихъ и даже вопреки имъ.

Хозяйственная жизнь великаго народа не могла остановиться совершенно — какъ бы ни насилывала ее коммунистическая власть. Нужно было какъ-нибудь жить, нужно было удовлетворять насущныя потребности. Относительно быстрое восстановленіе сельско-хозяйственнаго производства (въ нату-

ральныхъ формахъ) является въ этомъ отношеніи особенно показательнымъ. Ясно, что если со времени «Нэпа» крестьяне значительно увеличили свои посѣвы и оправились хозяйственно (по сравненію съ голодными годами «военнаго коммунизма»), то произошло это не только помимо власти, но и вопреки ей, ибо она не снабжала крестьянъ, въ достаточномъ количествѣ, ни земледѣльческими орудіями, ни другими средствами производства, ни просто товарами; а если и снабжала, то по чудовищнымъ цѣнамъ и плохого, часто негоднаго качества.

До «Нэпа», т. е. до 1921 года, большевики думали осуществить въ Россіи коммунистическій строй въ полномъ объемѣ. Программа ихъ была такова: «Продразверстка», т. е. принудительное и безвозмездное отчужденіе у крестьянъ всѣхъ продовольственныхъ «излишковъ»; распределеніе всѣхъ продуктовъ въ городахъ по карточкамъ; управленіе фабриками и заводами при посредствѣ коллегіальныхъ рабочихъ органовъ; безвозмездность государственныхъ и коммунальныхъ услугъ (даровой проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ, даровое пользованіе почтой, электричествомъ и т. п.): и все это увѣнчанное отмѣной всѣхъ налоговъ и денегъ! И эту программу, большевики осуществляли четыре года на русскомъ опытномъ полѣ, съ настойчивостью и послѣдовательностью маниаковъ.

Когда этотъ опытъ послѣдовательнаго осуществленія коммунистическаго (соціалистическаго тожъ) ученія привелъ къ вымиранію милліоновъ людей отъ голода въ деревнѣ и въ городѣ, къ небывалому въ исторіи параличу всей промышленности (въ нѣкоторыхъ отрасляхъ ея производство унало до 3—5% дореволюціоннаго уровня) и всей хозяйственной жизни страны, — тогда большевики не только пошли на «уступки» (Нэпъ!), но и посмѣшили заявить, что все, что они до сихъ поръ дѣлали, было лишь «военнымъ коммунизмомъ», что они «вынуждены» были къ этимъ мѣрамъ, къ этой политикѣ тѣмъ, что на всѣхъ фронтахъ шла гражданская война.

Въ дѣйствительности это былъ вовсе не «военный», а самый настоящій, послѣдовательный коммунизмъ, отъ котораго большевики вынуждены были отречься, ибо не только всей странѣ грозила гибель, но въ общей катастрофѣ и они были бы сметены изнутри. Пришлось уступить

«Требованіе свободы торговли вооружило форты Кронштадта», — писала недавно «Экономическая Жизнь».

Во всякомъ случаѣ, важно разъ навсегда твердо установить и запомнить, что въ 1921—22 г. потерпѣлъ крушеніе не какой-нибудь «военный», а самый настоящій, послѣдовательный коммунизмъ.

Послѣ этого пораженія большевики отступили на свои «командныя высоты». Они волей-неволей отказались отъ мысли насадить коммунизмъ въ 120-милліонной крестьянской массѣ, но они удержали за собой тѣ экономическія позиціи, опираясь на которыя они рассчитывали построить грандіозную систему экономической эксплуатаціи этой крестьянской массы. Они оставили за собой тѣ экономическія позиціи, безъ которыхъ они не могли бы удержать своей политической власти. Ибо большевицкая власть держится въ Россіи десять лѣтъ не только терроромъ, но такъ же и тѣмъ, что она въ исторически невиданныхъ размѣрахъ сумѣла использовать средства экономического принужденія какъ орудіе политическаго господства.

Опираясь на эти тыловыя позиціи, совѣтская власть стала осуществлять «куцый» социализмъ, поставивъ себѣ главными конкретными задачами: 1) подчиненіе всей хозяйственной жизни страны единому плану; 2) созданіе новаго капитала въ порядкѣ «соціалистическаго» накопленія; и 3) осуществленіе на основѣ этого новаго капитала — «индустриализаціи» страны въ американскомъ масштабѣ.

Все это должно закрѣпить за коммунистами «русскій плацдармъ» для подготовки міровой революціи. —

Итакъ, первая задача состояла въ томъ, чтобы, опираясь на экономическія командныя высоты (націонализованную крупную и среднюю промышленность, монополію виѣшней торговли, государственный торговый аппаратъ и монополію кредита и транспорта) — управлять всею хозяйственной жизнью страны согласно единому, вырабатываемому въ центрѣ плану и тѣмъ подчинить «анархическую» хозяйственную стихію 150-милліоннаго народа единой волѣ политической и хозяйственной диктатуры.

Для осуществленія этой цѣли, московскія совѣтскія учрежденія, съ затратой невѣроятнаго количества силъ, времени

и бумаги, вырабатываютъ ежегодно народно-хозяйственный планъ, называемый «Контрольныя цифры народнаго хозяйства» на такой-то годъ; кромѣ того, недавно законченъ разработкой (и уже признанъ самими большевиками совершенно неудовлетворительнымъ!) пятилѣтній планъ, такъ назыв. «пятилѣтка»; на ряду съ этимъ идетъ разработка такого же плана — уже на . . . пятнадцать лѣтъ . . .

Впервые детальныя «контрольныя цифры» были разработаны на 1925—26 годъ и опубликованіе ихъ было торжественно отпраздновано, какъ одно изъ самыхъ крушыхъ «достиженій» послѣднихъ лѣтъ въ области социалистическаго строительства.

«Контрольныя цифры» должны были явиться не только «прогнозомъ», но и «директивой». Въ развитіе ихъ составлялись уже операционныя планы по отдѣльнымъ отраслямъ хозяйства.

Первыя «контрольныя цифры» стремились «объять необъятное». Такъ они устанавливали общій уровень товарныхъ цифръ на каждый мѣсяць наступающаго года. Устанавливался за годъ впередъ не только точный размѣръ будущаго экспорта, но и размѣры денежной эмиссіи, кредитныхъ операцій и т. п.

Но первый же годъ этого торжества планового хозяйства былъ и годомъ перваго планового провала. Совѣтскіе планы потерпѣли жестокое крушеніе не только потому, что это было покушеніемъ съ негодными средствами, что планы были составлены плохо, но и потому, что хозяйственная жизнь сама по себѣ такой рационализациі не поддается. Тамъ, гдѣ дѣло касалось производственныхъ плановъ казенной промышленности, приближеніе плановъ къ дѣйствительности было наибольшимъ. Здѣсь вопросъ шелъ лишь объ установленіи производственной способности фабрикъ и заводовъ при данныхъ условіяхъ; о сбытѣ при наличности товарнаго голода безпокоиться пока не приходилось. Но зато наибольшія расхожденія плановъ съ дѣйствительностью получались тамъ, гдѣ дѣло шло о планированіи такихъ «стихійныхъ» элементовъ хозяйства, которые по существу своему вообще планированію не поддаются. Въ Россіи такова была, конечно, прежде всего, вся область крестьянскаго (теперь фактически совпадающаго съ сельскимъ) хозяйства. Какія тяжелыя разочарованія пришлось испытать большеви-

камь въ этой области, это они не разъ высказывали сами въ минуту отчаянія.

Столь же сильные «просчеты» оказались въ области внѣшней торговли, въ выпускѣ денегъ и въ сферѣ кредита. Это заставило составителей «контрольныхъ цифръ» въ слѣдующемъ, 1926—27 году, проявить значительно бѣльшую умѣренность и скромность. Теперь они уже не предсказываютъ и не предписываютъ движенія цѣнъ по мѣсяцамъ и вообще снабжаютъ свою экономическую астрологию цѣлымъ рядомъ оговорокъ.

Но и въ болѣе узкой области своего собственнаго, казеннаго, совѣтскаго хозяйства, большевики не могутъ добиться осуществленія и проведенія своихъ плановъ. Почти каждый день приходится читать о томъ, что совѣтскіе планы запаздываютъ и нерѣдки случаи, когда они утверждаются по окончаніи отчетнаго года, при этомъ они безконечно передѣлываются и перекраиваются, и это вноситъ огромную путаницу и анархію въ производство.

Такимъ образомъ, въ этомъ основномъ своемъ программномъ требованіи — планового хозяйства, подчиненія стихіи хозяйственной жизни планамъ экономической диктатуры, большевики потерпѣли самое серьезное пораженіе. «Жизнь идетъ мимо насъ». — сказалъ въ своей предсмертной рѣчи Дзержинскій. —

Какъ неоднократно признавались въ этомъ сами большевики, все совѣтское хозяйство, вся ихъ экономическая система была построена на «проживаніи», «проѣданіи», «растратѣ» — таковы ихъ подлинныя выраженія — полученныхъ въ наслѣдство отъ буржуазнаго строя, отъ дореволюціонной Россіи капиталовъ — будь то капиталъ денежный, или вещный (машины, желѣзно-дорожный подвижной составъ, дома и т. п.), или «живой» капиталъ, заключающійся въ накопленныхъ десятилѣтіями знаніяхъ и опытѣ инженеровъ, рабочихъ и т. д.

Еще «контрольныя цифры» на 1925—26 г. ставили задачу: «прекратить растрату основнаго капитала во всѣхъ тѣхъ отрасляхъ хозяйства, гдѣ этотъ процессъ еще имѣетъ мѣсто».

Что эта цѣль и сейчасъ — въ 1927 г. — не достигнута, объ этомъ свидѣтельствуетъ хотя бы передовая «Экономической Жизни» отъ 17 августа 1927 года: «Можно считать установлен-

нымъ, что въ теченіе послѣднихъ лѣтъ транспортъ хронически проѣдалъ свой основной капиталъ».

Но когда послѣ всѣхъ произведенныхъ разрушеній большевикамъ пришлось въ интересахъ самосохраненія и удержанія власти подумать о возстановленіи разрушеннаго. передъ ними всталъ роковой вопросъ о необходимости громадныхъ капиталовъ, исчисляемыхъ миллиардами золотыхъ рублей.

Откуда же взять капиталъ въ странѣ, гдѣ не только «растрочень» и «проѣденъ» старый капиталъ, но гдѣ старательно уничтожены самыя побужденія и отсутствуютъ правыя предпосылки—для накопленія новаго капитала?

Дѣйствительно, единственная область, гдѣ происходитъ реальное накопленіе капитала въ совѣтской Россіи. это — сфера крестьянскаго хозяйства. Но здѣсь это накопленіе происходитъ почти исключительно въ формахъ натуральныхъ (увеличеніе количества скота, новыя постройки и т. п.), а поскольку происходитъ нѣкоторое накопленіе и въ денежной формѣ, крестьяне всего менѣе склонны довѣрять свои сбереженія совѣтской власти. Объ этомъ свидѣтельствуетъ статистика совѣтскихъ сберегательныхъ кассъ.

Другой теоретически возможный источникъ капитала это сама казенная промышленность. Это то «соціалистическое накопленіе» — о которомъ такъ много говорятъ большевики. Но здѣсь, какъ извѣстно, за немногими исключеніями, происходитъ не накопленіе новыхъ, а растрата старыхъ капиталовъ.

При такихъ условіяхъ, большевикамъ ничего не оставалось, какъ искать суррогатовъ накопленія капитала.

Сначала — въ 1925—26 г. — они рассчитывали получить большія суммы, необходимыя въ этомъ году для возстановленія разрушенной промышленности, однимъ смѣлымъ ударомъ, одной удачной спекуляціей: скупить задешево крестьянскій хлѣбъ и другіе сельско-хозяйственные продукты, использовавъ свое монопольное положеніе на рынкѣ, и продать этотъ хлѣбъ съ прибылью за границей.

Но тутъ-то на первыхъ порахъ оказалось, что «регулировать» мужика не такъ просто. Крестьяне хлѣбъ продавали неохотно; и чтобы побудить ихъ усилить продажу, совѣтскимъ закупочнымъ органамъ пришлось сильно поднять цѣны. Въ резуль-

татѣ, вмѣсто спекулятивнаго «заработка» въ нѣсколько сотъ милліоновъ рублей, пришлось приплачивать по убыточному хлѣбному экспорту.

Тогда обратились къ другому источнику — выпуску денегъ. Но тѣмъ же контрольнымъ цифрамъ на 1925—26 г. выпускъ новыхъ денежныхъ знаковъ долженъ былъ достигнуть за годъ 830 милл. рублей и дать, такимъ образомъ, новыя значительныя средства на возстановленіе разрушенной промышленности. Но уже въ первые мѣсяцы, когда новая эмиссія едва достигла 200 милл. рубл., обнаружались явные признаки новой инфляціи (т. е. чрезмѣрности выпуска), со всѣми ея опасными для совѣтскаго хозяйства послѣдствіями. Большевикамъ пришлось быстро затормозить дальнѣйшій выпускъ. Такимъ образомъ, и этотъ суррогатъ реального накопленія капитала не оправдалъ возлагаемыхъ на него надеждъ.

Тогда обратились къ третьему, наиболее реальному и дѣйствительному суррогату свободнаго накопленія капитала. Всѣ виды налоговъ — въ первую очередь единый сельско-хозяйственный налогъ и всѣ косвенные налоги были рѣзко повышены; и отнынѣ почти вся тяжесть финансированія новаго промышленнаго строительства была перенесена на государственный бюджетъ.

По признанію Рыкова и другихъ большевицкихъ главарей и этотъ источникъ использованъ почти до предѣла возможнаго; между тѣмъ, изношенность стараго оборудования фабрикъ и заводовъ достигла такихъ размѣровъ, что и средствъ, добываемыхъ въ порядкѣ усиленнаго обложенія населенія — въ первую очередь крестьянства — не хватаетъ.

Такимъ образомъ, попытка замѣны свободнаго творчества и свободнаго сбереженія, творческаго образованія капиталовъ, которое во всѣхъ странахъ даетъ средства для возстановленія и расширенія промышленности, замѣны ихъ социалистическими и спекулятивными суррогатами — потерпѣла полную неудачу. Этотъ вопросъ и не можетъ быть разрѣшенъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ восстановлены въ Россіи хозяйственныя и правовыя предпосылки накопленія капиталовъ и вообще сбереженія: производительное частное, а не паразитическое казенно-соціалистическое хозяйство, и основанный на частной соб-

ственности прочный гражданскій правопорядокъ. —

Но далѣе можно было бы привести сотни свидѣтельствъ самихъ совѣтскихъ хозяйственниковъ, что совѣтская власть и при расходованіи собранныхъ денегъ оказывается расточителемъ и сквернымъ хозяиномъ.

Всѣ эти свидѣтельства и сейчасъ покрываются той характеристикой совѣтскаго хозяйствованія, которая болѣе года тому назадъ была дана Рыковымъ въ бюджетной рѣчи, произнесенной въ союзномъ ЦИК'ѣ:

«Капиталистъ, начинавшій лишь свою капиталистическую карьеру, сначала пѣшкомъ ходилъ нѣсколько лѣтъ, отказывая себѣ иногда въ самомъ необходимомъ, а потомъ уже покупалъ себѣ автомобиль, а у насъ часто начинаютъ съ автомобиля» («Экономическая Жизнь», 15 апрѣля 1926 г.).

За послѣдніе два мѣсяца опубликованы результаты цѣлаго ряда обследованій «капитального строительства», произведенныхъ, главнымъ образомъ, Рабоче - Крестьянской Инспекціей.

Выводы ихъ—съ небольшими отклоненіями и вариациями—сводятся къ тому, что строительство ведется нерационально и дорого и что поэтому затраченные суммы не даютъ того экономического эффекта, который они должны были бы дать въ нормальныхъ условіяхъ. И здѣсь Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства, представляя Совѣту Труда и Оборона очередную докладъ по этому вопросу, счелъ нужнымъ избрать для него въ видѣ эпитафиа, слова того же Рыкова, сказанныя имъ почти годъ тому назадъ: «Мы строили не то, что надо, не тамъ, гдѣ надо, и не такъ, какъ надо» («Торгово-Промышленная Газета», 27 іюля 1927 г.).

Большевики одинаково не умѣютъ ни создавать новое, ни использовать имѣющееся. Безошибочный критерій въ данномъ случаѣ — высокая себѣстоимость издѣлій совѣтской промышленности. При этомъ всѣ категорическія приказанія и директивы, исходящія изъ центра, о сниженіи себѣстоимости, оказываются бессильными и недѣйствительными.

Не скрываютъ большевики и причинъ этой высокой себѣстоимости: «Высокій индексъ вздорожанія самъ по себѣ обусловливается скверной работой предпріятій», — читаемъ мы въ передовой «Экономической Жизни» отъ 14 аг-

густа с. г. А болѣе глубокая причина этой «скверной работы» совѣтской промышленности заключается, во-первыхъ, въ ея монопольномъ положеніи, при которомъ исключается важнѣйшій стимулъ къ удешевленію и улучшенію производства; и, во-вторыхъ, — въ замѣнѣ живительной частной инициативы и личной отвѣтственности предпринимателя инертностью, безличіемъ и безотвѣтственностью громадной бюрократической машины.

Такимъ образомъ, ни одна изъ поставленныхъ большевиками задачъ, въ порядкѣ осуществленія «куцаго» социализма, не была осуществлена. Хозяйственная «стихія» отказывается подчиняться совѣтскимъ планамъ. Въ казенной промышленности осуществленію ихъ мѣшаетъ безхозяйственность собственнаго аппарата. Проблема замѣны свободного образованія капиталовъ социалистическими суррогатами оказалась еще менѣе разрѣшимой. «Индустриализація» сводится, по утвержденію самихъ большевиковъ, къ безхозяйственному распыленію средствъ, не дающему надлежащаго экономического эффекта.

И только въ одномъ отношеніи—но совѣмъ не «социалистическомъ»! — большевики имѣли успѣхъ: имъ въ общемъ удалось создать аппаратъ «перекачки» средствъ изъ крестьянскаго хозяйства въ свое, совѣтское хозяйство въ размѣрахъ, о безпечивающихъ непосредственныхъ потребностей самой власти. Достигнуто это было, главнымъ образомъ, возстановленіемъ старой финансовой системы.

Можно было бы привести множество эпизодовъ изъ совѣтской печати, подтверждающихъ, что жи во и о пы ть коммунистическаго хозяйничанья или, вѣрнѣе, совѣтской безхозяйственности изжить и продуманъ въ Россіи до конца. Иллюзіи, если они и были внушены коммунистической пропагандой русскимъ рабочимъ и крестьянамъ въ первые годы совѣтскаго господства, вывѣтривались. Истинная сущность совѣтской экономики, какъ системы небывалой экономической эксплоатации, ведущейся въ интересахъ коммунистической партіи и ея заправиль, выявилась во всей своей наготѣ.

Но этотъ опытъ, за который заплачено страшной цѣной разрушенія всего народнаго хозяйства Россіи, не только отрицательный. Доказательствомъ «отъ обратнаго» онъ выявилъ и

положительную цѣнность тѣхъ основъ, на которыхъ будетъ строиться Новая Россія — и имя которымъ частная собственность и свобода хозяйствованія.

Въ горнилѣ коммунизма народное сознание созрѣло въ ожиданіи того часа, когда вмѣстѣ съ уничтоженіемъ политической власти коммунизма «совѣтское хозяйство» завершитъ предначертанный ему кругъ.

В. Гефдингъ.
